

«Заради цього варто жити!»

I Літературно-художній конкурс серед студентів

ЧДУ імені Петра Могили

(Збірка творів переможців конкурсу)

«Заради цього варто жити!»: I Літературно-художній конкурс серед студентів ЧДУ імені Петра Могили: збірка творів переможців конкурсу /уклад. Ю.В.Чепурко. – Миколаїв: Вид-во ЧДУ ім. Петра Могили, 2012. –

З 20 лютого до 31 березня студенти ЧДУ імені Петра Могили мали змогу вислати свої оповідання та поезії на електронну адресу організатора конкурсу. Ще майже півтора місяці поважна судейська комісія ретельно оцінювала «пробу пера» юних авторів та приймала рішення щодо найкращих творів. Результат кропіткої роботи юнаків та дівчат, суддів, організаторів конкурсу ви тримаєте у своїх руках. У цій збірці зібрано твори переможців I літературно-художнього конкурсу «Заради цього варто жити!»

1 місце

Номінація «Поезія»

* * *

Ты пойдешь на кухню, заварить себе «Лавашца»,
Сядешь за стол. Сгущенкой намажешь горе,
Решить: муж нужен – ну, разве что целоваться,
А уж никак не участвовать в разговоре.

* * *

Вечер глядит на тебя с улыбкой печальной,
Ты – на него. Вы вместе сидите в чайной,
Ты пьешь небо без звезд, но с розой бадьяна,
Пирожное молится Господу покаянно,
Тая во рту, на руках оставляя крошки.
Вечер молчит. Проклятые дни-матрешки
Собрались в одну и лезут на полку в угол
Среди ненужных игрушек и старых кукол,
И кажется – вот, вы в чайной вдвоем застыли
В неповторимом и очень знакомом стиле,
Плохая игра. Зато хорошая мина,
Вечер добавит в чай два лепестка жасмина,
Дольет кипятка. Локти на стол положит,
Упрется лицом в ладони и скажет: «Может,
я – твой последний. А дальше – титры и финиш».
Ты понимающе-кротко глаза поднимаешь,
Скажешь – «тогда я рад, что судьбою
Мне суждено тебя провести с тобою»

1 місце.

Номінація «Проза»

Майор Житній

Майор Житній сидів за кухонним столом у сиротливо мебльованій хрущовці і з висоти третього поверху розмірковував про життя. Міркування з ряду причин виходили безсистемні, але напрочуд глибокі. Можна сказати, вистраждані життям.

Перша причина стояла на столі – напівпорожня і прозора, як сльоза немовляти. Вона ніби тихенько благала приєднати її до двох попередниць, що блищали на підлозі в невірному й тьмяному світлі сорокаватки. Майор неквапно зграбастав її у велику мозолясту жменю і повільно налив у гранчак грамів з півтора. Так само не поспішаючи вицідив, пошукав очима маринований огірок. Знайшовши, вбив його прицільним ударом виделкою і вже мертвого, стікаючого соком, схрумкав.

Майор Житній був смертоносніший за чорну мамбу, а більш за все любив життя. Тим більше любив, що знав, як можна легко його позбавити. Знав, однак, і як його зберегти. Чому й навчав молодих і завзятих.

Житній працював інструктором з безпеки життєдіяльності – так офіційно називалася його посада. Нелегка й небезпечна служба його полягала в навчанні спецназівців того, як вижити в будь-яких умовах, як реагувати під час будь-яких негараздів, як убезпечити себе й навколишніх сумлінних платників податків. Простіше кажучи, він навчав усього – від того, як реагувати під час землетрусу, до 398 шляхів виготовити штопор.

Вечірні сутінки впевнено штурмували хрущовку, непрозорою завісою скувавши скло кухонного вікна. Поводитися в сутінках майор умів відмінно. Не повівши й бровою, він знов наповнив стакан оковитою і витріщився на нього. Премудростям гіпнозу Житній обучав також, позаяк це могло стати в пригоді у житті. У грубому наближенні – аби дати відсіч циганам. Під поглядом майора його підопічні - здоровенні спецназівці – цнотливо цілували один одного у неголені й закручені щічки, а прораб покірливо виписував йому дефіцитне обладнання. Не став виключенням і стакан, на який майор півхвилини дивився, як удав на кролика. Результат був таким само, як і в удава – зміст стакану з жалібним схлипом зник в накачаній утробі майора. Навздогін переслідувати його відправився кружечок смаженої ковбаси просто з ножа – для деморалізації ймовірного суперника майор вважав за потрібне демонструвати власну небезпечність. Хоч і був на кухні один, як перст.

Думки про життя, підігріті спиртовими парами, спарили під погано пофарбовану стелю. Думати стало легше.

Раніше, розмірковував військовий, головною метою в людини було – вижити. І виживали люди, причому в таких умовах, що якщо взяти пересічного громадянина – загнеться за півдня. Вони ж – не тільки виживали – ще й еволюціонували, пристосовуючись до неспинно змінних кліматичних умов. Майор хмикнув, згадавши теорію Дарвіна. Скептично подивився на власне передпліччя – товстенне, щільно заросле чорним густим волоссям. Згадав мавпу у зоопарку, похитав головою. Але прогрес був помітний неозброєним оком. Еволюція, вміння виживати... жодна мавпа не покаже таких результатів, як товариш майор.

Безпека життєдіяльності була для Житнього справою всього життя. Весь робочий день він цілком присвячував себе рятуванню життів інших – навчаючи їх забезпеченню власних життів на його, майоровому прикладі.

Сам Житній робив усе можливе для полегшення своїх умов виживання. Вирішивши, що жінка – зловна істота, яка харчується нервовими клітинами замість сніданку, обіду й вечері, а в стані екзальтації здатна на нанесення важких фізичних ушкоджень широкого спектру – від удару сковородою по макітрі до банально-сексуальних подряпин на спині (теж не мед!), майор жив одинаком. Жінок до себе ніколи не водив – боявся привести хвоста. Додому добирався кожного разу іншим шляхом. Іноді часу на це йшло до ранку, і коли він нарешті заходив додому – час було вже снідати й іти на роботу. Але майорові це було не важко – він наспір не спав півтора тижні, постійно займаючись при цьому фізичними й розумовими вправами. Єдина кімната його являла собою просту «коробку», на підлозі якої лежав матрац. Двері на балкон були постійно відчинені на випадок катастрофи – аби мати можливість вистрибнути швидко з третього поверху. Документи й картка банку зашиті були в його камуфляжній формі, з якої він практично не вилазив. Таким чином, раптових катастроф, пов'язаних із втратою житла, як-то: пожеж, землетрусів, торнадо, метеоритних дощів, оповзнів, злив і повеней майор анітрохи не лякався. Єдиним по-справжньому жилим приміщенням його квартири була кухня – плита електрична (аби запобігти витоків газу), холодильник з провізією, що псується не швидко – як правило, консерви (тушонка й сардина, подекуди шпроти) і спиртним. Газованих і мінеральних вод майор не визнавав, а крім з-підкранної залишалася тільки вогняна. Тож тим і запивав.

Ніж тим часом безжалісно краяв тушонку, роблячи своїми вправними рухами честь самому Потрошителю. Чи відчував майор самотність? Ні. Він звик виживати в екстремальних умовах, вибирався сам-один з афганського полону, і не відчував жодного дискомфорту. Ба, на відміну від Рембо, він навіть не боявся перукарів. Скоріше вони – його.

Порожня пляшка полетіла під стіл до компаньйонів, сумно дзенькнувши склом в нічному повітрі квартири. Житній міг дозволити собі сидіти хоч до ранку – він натренував свій організм так, що пари годин сну йому вистачало з головою. Чарівним чином на столі виникла пляшка нова. Роздуми про життя продовжувалися.

А зараз життя – це постійне прагнення оточити себе якомога більшим комфортом. Настільки непоборне прагнення, що люди стають залежними від якихось там пристроїв, не можуть нормально мислити. Згадалася історія про фізіологічний експеримент, під час якого кішки з самого народження були розміщені в маленькій кімнаті, шпалери якої мали вертикальний узор. Коли період дозрівання мозку проминув, кішок перемістили у приміщення, що було покрите шпалерами з горизонтальним малюнком. Лінії малюнку вказували на місце положення годівниць і люків для виходу, проте жодна кішка з тих, що виростили в кімнаті з вертикальними лініями, не зуміла поїсти або вийти з приміщення. Так і люди нині – все роздивляються крізь призму мобільного телефону, телеекрану, Інтернету. Уявити себе без них вони неспроможні. Як ті налаштовані на вертикаль кішки. Майор смутно похитав поголеною маківкою (аби не завелися гниди) і хильнув ще «рюмаша». Цього разу ніж так і залишився лежати бездіяльним.

Житній згадав пару покидьків, що їх він сьогодні бачив перед власним під'їздом. Хлопець – якщо можна ЦЕ так назвати – не пройшов би жоден металошукач. На обличчі просто живого місця не було через пірсінг – ніс, вуха, брови, перенісся, нижня губа й підборіддя. І дівчина з ним – майор звів очі догори, фігурально сплюнув на стіл – «от шмара!». Що за мода пішла – колготи на руки одягати? Кольору волосся «парочки Твікс» не було в природному спектрі, а взуття обох було невловимо схожим на майорове, притому що салаги навряд чи віддали свій обов'язок Вітчизні. Ні, хитнув чавунною головою інструктор, такі й півтора дні в важких умовах не виживуть.

І раптом здригнулася земля. І захиталися стіни будинку. Майор підозріло скосив оком на пляшку, яка спритно прокрадалася до краю столу. Вона була ні при чому. Отже, землетрус. Майор неквапно, як і пив, натягнув камуфльовану куртку, що висіла на спинці стільця, застібнув на всі гудзики. Схопив пляшку, загвинтив щільніше кришечку. Засунув у нагрудний карман пару огірків і не панікуючи ні секунди посунув на балкон. Звідти він стрибнув стрибком сокола, як вчив сотні разів у спецназі. На заваді не стала ані втома, ані три випиті пляшки горілки. Стрибок пройшов ідеально, він sprужинив колінами й перекатом погасив інерцію. Пляшка при цьому не розбилася і не пролилася. Житній неспішно відійшов від будинку на відстань, передбачену військовою інструкцією, зупинився, відкрив пляшку і випив. Закусив із кишені. Потім став стежити за виходом з будинку. Трясло сильно, із хвилини на хвилину споруда мала впасти. Раптом відчинилися двері під'їзду, невірним кроком назустріч ліхтарному світлу вийшов давнішній неформал. На руках він тримав свою дівчину, через плече висіла туго набита сумка. Він поспіхом, втрачаючи сили, відбіг від будинку настільки, наскільки йому підказував здоровий глузд. Там він опустил свою ношу на газон. В непритомної дівчини на виску була рана, з якої повільно текла кров. Очевидно, не втримала рівноваги при поштовху і вдарилася головою, презирливо подумав майор. Та раптом юнак підбіг до інструктора і сказавши «Дай сюди!» видрав з рук військового пляшку горілки. Той, ошелешений, випустив. Хлопець на бігу відірвав від своєї блюзнірської жалюгідної футболки із зображенням якоїсь групи клаптик і змочив його у спиртовмісній рідині.

Ним він витер рану дівчини – дбайливо, швидко. Потім підклав сумку – вочевидь, з найважливішими речами, - під голову постраждалій – «аби не пережимати кровоносні суди», кваліфікував майор. Діяв хлюпик при цьому напрочуд спонтанно і майстерно. Житній наблизився до хлопця, що присів біля дівчини й вдивлявся їй в обличчя, і густим басом звернувся:

- Чуєш, парубче!?! Мені сподобалося, як ти діяв у кризисній ситуації. В тобі є стрижень. Жаль, що ти так одягаєшся і знаєшся з таким збродом. Хочеш – поступай до мене у спецназівці? Я рекомендацію дам, моє слово міцне. Зробимо тобі нормальну зачіску, жити навчимо як слід. Га?

Але юнакові чомусь не сподобалася щедрa майорова пропозиція. Під акомпанемент осідаючого зі скрипом і грохотом будинку той підняв стомлене бліде лице від лица дорогої йому людини, яку на руках виніс подалі від біди, подивився на сите й безжурне обличчя, якому ні до кого не було діла і вимовив лише:

- А, пішов ти!

2 місце.
Номінаці «Поезія»

Починати свій рік, коли сніг розтава,
руйнувати зацьковану свідомість.
Радіти кип'ятку, коли не маєш чим зігрітись.
Заради цього варто жити і вночі молитись.

Годувати птахів, малювати картини неба,
три дні не їсти і врешті зрозуміти,
що це насправді твоя найбільша
й водночас така мізерна проблема.

Купувати в букіністичному магазині старі книги,
гортати й шукати сторінки заповітні, вцілілі,
на яких хлопчина з кучерявим волоссям
намагався змалювати кольоровими олівцями власний безмежний простір.

Коли твоя реальність і їх сни збігаються,
твої думки відтворюються у його діях,
починаєш розуміти поняття
«душ людських єдиність».

Назвати свого сина Уліс –
світ пульсуватиме в його скронях,
і ви дихатиме в унісон з містом.
Чорнобривці з пролісками завітчать повість.

Говорити про Всесвіт, саги та вдачу,
цілувати каміння на березі моря.
Проводжати близьких у далекі країни
й враз відчувати перший холодний протяг.

І в пам'ять чорнозема, що стогнав
під тиском руйнівних баталій,
відроджувати націю, й навчитись берегтись
від СНІДу, капостей та шарлатанів.

Ідея руху спонукає йти вперед -
заради цього варто жити.
Я дозволяю блиску сонця, вітру та п'янкуму запаху землі
Слова «я здатен тільки снити» приглушити.

2 місце.

Номінація «Проза»

Вся правда о Макаре Жбыре

Утро оказалось, как обычно, необычайно суровым. Все началось с будильника: его мерзкий, писклявый звук, словно острые иглы впился в глубины мозга, моментально вернул в реальность Макара. Резкими движениями он вслепую начал шарить по комнате, пытаясь найти проклятые часы, но ровным счетом ничего не получалось. Пришлось пропустить мир через призму своих зрачков. Яркий свет, наполнявший комнату, буквально кислотой выжигал запухшие глаза Макара. Не выдержав, он зажмурился и зарылся в одеяло и подушку. Но проклятый будильник, постоянно напоминал о себе, издавая звуки дохнувшей крысы. «Я разобью в дребезги эту дрянь, как только смогу её найти», – подумал Макар, а затем ценой невероятных волевых усилий заставил себя открыть глаза еще раз. Так начиналось обычное утро Макара Жбыря.

Жбырь мог бы всю жизнь быть простым и самым обыкновенным человеком, с простой и самой обычной работой, с простой и самой обычной жизнью. Он мог бы быть зажат в тиски между работой и обязанностями, женой и детьми, старостью и молодостью. В общем, еще со школы у него были все шансы прожить обычную, сухую и посредственную жизнь, уготованную девяноста пяти процентам населения Земли. Но Макару повезло: он знал цифры, знал их заранее.

Будучи маленьким мальчиком, Макарчик обожал настольные игры, а еще больше он обожал выигрывать эти игры. Макар всегда выбрасывал нужное число, и всегда добирался конечной точки гораздо раньше остальных. Но все его друзья, сначала в детском садике, а потом в школе, никогда не обращали на это внимания. Обычно после очередного проигранного забега фишек на картонке, дети со словами «тупая игра» шли веселиться во что-то поинтереснее. Маленький Жбырь также не придавал особого значения своему везенью, и присоединялся к остальным, отбрасывая в сторону кости. При этом каждый раз выпуская из ладони игральные кубики, он знал – выпадет три и два, или две шестерки, или еще что-нибудь. Ни единожды за свое детство Макар не удосужился проверить свои знания, просто взглянув на упавшие кубики. Значительно позже он все понял.

Ну а будильник все также верещал и размазывал по стенкам черепа остатки мозгов Макара. Его еле приоткрытые красные глаза, яростно искали мерзкую пластмассовую дрянь. Зрачки яростно бегали по комнате, пытаясь найти будильник, но к ужасу Макара и его бедной головы часов нигде не было. Внезапно его мозги пронизал импульс озарения: «Эта гребаная сволочь пишит за мной!», – и с трудом перекатившись с одного бока на другой он наконец-то увидел своего врага. Схватив визжащего поддонка, он замахнулся и бросил его в стену, надеясь, что будильник достаточно сильно вмажется в кирпичи, разобьется и навеки заткнется. К огромному

счастью Макара визг прекратился, а куски пластмассы разлетелись по всей спальне. «Слава богу!», подумал он, снова погружаясь в сон.

Ему снились бесконечно зеленые луга, затиснутые в кольцо высоких гор. Вид вершин утопающих в снегу, резко контрастировал с пышным духом весны, веявшим в долинах. Ему снилось собственное падение или даже погружение, он медленно спускался в свежесть и весну. Он приземлился в тысячи одуванчиков, а затем прыгнул вновь, оставляя за собой след из пуха. Макар прыгал и прыгал, а розовые коровы и панды-рыбаки улыбались и махали вслед. Это был рай, где хотелось остаться и вечно прыгать среди гор, цветов и веселых зверей. Ощущение полета и свободы между прыжками захватывало Жбыря. Он отталкивался все сильнее, летел все дальше, вздымал в воздух новые тучи одуванчиков и чувствовал себя свободным, счастливым.

Быстрее, сильнее, дальше, дальше... Твою мать! Дерево! Откуда оно взялось?! Огромный дуб предстал непреодолимым препятствием для прыгающего и свободного Макара. Глухой стук раскатился в пространстве тысячею отголосков, несущихся по долине, разбил в дребезги гряды гор, стоявших на пути, на тысячи валунов, наполнивших долину глухим грохотом. Мир разваливался на части и кусками сползал в бездну.

Напористый стук в двери, разбавленный жужжанием входного звонка, снова вернул Макара в реальность. Та маленькая звенящая дрянь... Та дрянь пыталась напомнить о чем то важном, что должно было произойти сегодня. Та дрянь должна была объяснить, откуда тот человек за дверью и какого черта он так нагло рвется в «особое место Макара Жбыря». Озлобленный Макар с трудом встал, отчаянно сопротивляясь приступам тяжелого похмелья, и начал искать по комнате одежду и очки. Он помнил, что вчера куда то позашвыривал свои вещи, но сегодня не имел ни малейшего понятия об их местоположении.

Солнечные очки «а ля Сталлоне» лежали на подушке, и оставалось только удивляться, как их вчера не раздавили. Прохлада темных стекол – вот что нужно воспаленным глазам сутра. Теперь, в приятном полумраке, утро (или ранний день) казалось менее враждебным. Потасканные цветочные шорты валялись у кровати рядом с клетчатой рубашкой.

Уже одетый, утоливший жажду, и немного подобревший, Макар открыл двери, все так же издававшие тошный стук.

– Ты кто?

В открытые двери врвался яркий солнечный свет, неся с собой приятную весеннюю свежесть и запах цветущих абрикос, но равнодушный к весенним прелестям Макар заметил лишь девушку, стоящую на пороге. Ее волосы цвета арабской ночи и жгучие глаза могли бы завладеть Жбырем, если бы не одно «но», он до сих пор не знал, кто она и что здесь делает, тем более именно она была тем возмутителем покоя, прервавшим сон.

Явно раздраженная девушка испепеляла Макара взглядом. Ее не смущал ни фамильярный вопрос, ни такой же вид хозяина.

– Ты! Ты должен мне статью. Я гоняюсь за тобой уже месяц, Макар Жбырь, но ты как в черной дыре, в другом мире пропал в вечных гулянках, разъездах и черт знает в чем еще. Я думала, что вчера мне улыбнулась удача. Ты вчера мне обещал всю правду о Макаре Жбыре, но сегодня ты даже не соизволил явиться на интервью. А ведь я обещала статью о тебе еще месяц назад. Мне надоело ждать, так что в любом случае ты дашь мне мой материал сегодня!

Теперь Макар вспомнил вчерашний звонок с неизвестного номера, теперь он вспомнил рассказы друзей о девушке, искавшей его, теперь он вспомнил, зачем вчера ставил будильник, но сейчас он не хотел никакого интервью и, к своему несчастью, не представлял себе как отвертеться.

– Эммм... Я просто... –, что Макар «просто» заглушил грохот проезжающего состава.

Макар Жбырь любил иногда проводить время на своей даче. Его загородный домик находился на вокзале. Несколько лет назад здесь была обычная кибитка, где железнодорожники пили и курили в перерывах между сортированием вагонов. В свое время, Макар попал на один из таких перерывов. Находясь под впечатлением хорошо проведенного времени, он решил выкупить кибитку и небольшой участок у руководства железной дороги. Теперь это был однокомнатный домик, с аккуратно подстриженной газонной травой вокруг, двумя шезлонгами и столиком, стоявшими в тени абрикос, и все это было затиснуто между путями и цепью грузовых вагонов.

Макар был в восторге от этого места. Ему нравилось лежать в тени деревьев, пить кофе, курить сигареты и слушать стук проходящих поездов. Это место служило ему своего рода убежищем и любимым местом отдыха. Появление же журналистки желавшей взять интервью, нарушило идиллию Жбыря, загнало в угол, из которого некуда было отступать. Оставался только один выход: рассказать о себе, подумаешь, выиграл пять лотерей подряд, кучу денег в казино и стал предметом зависти и подражания всех без исключения бездельников мира.

– Я просто ээмм забыл. Ну да забыл, с кем не бывает, – промямлил Макар источая едкий запах ацетона, – Ну и раз уже месяц, месяц это долго, то можно и допросить меня прямо здесь. Я не против. Выйдет ничего так. Эксклюзив с железной дороги или как то так. Ты это, проходи к лежакам, я щас.

Девушка еще раз окинула взглядом Жбыря и направилась к абрикосам. Уже месяц она искала встречи с Макаром. Ей казалось, что статья о невероятно богатом бездельнике станет весьма популярной и принесет автору неплохую репутацию. Но выловить человека в цветочных шортах и очках Сталлоне оказалось не просто. Нельзя было сказать, что Макар нелюдимый отшельник, даже наоборот – Макар Жбырь был весьма известной личностью в городе, но все его знакомые не знали о нем ничего кроме как: « Выиграл в лотереи, сорит деньгами, а где живет и как связаться не знаю, он обычно сам появляется, из ниоткуда», – а друзья, настоящие друзья, Макара были так же трудно доступны, как и он сам. Но, все же, сейчас она сидела на шезлонге и готовилась начать все-таки статью о победителе многочисленных лотерей и разорителе казино.

Макар пришел минут через пять. Он поставил на стол кувшин, веявший прохладой и два стакана с трубочками.

– Кстати, ты мне так и не ответила кто ты? Ну или хотя бы как тебя зовут, на кого работаешь, ну все такое.

– А ты не помнишь? А ну да. Я – Кристина Андреева, работаю в журнале «Лица».

– Какой-то таблоид? Да? Круто! Всегда мечтал стать героем желтой прессы. Я хочу быть на первой странице твоей газетенки, с лицом, закрытым очками, и я еще рукой должен прикрываться. Ну и заголовок там соответствующий: «Вся правда о безнаказанном мошеннике-миллионере», – или, – «Грязные деньги Макара Жбыря». В принципе мне нравится.

– Ну, я не работаю уж в такой паршивой газетенке, распускающей грязные сплетни и интриги. Но ты действительно станешь популярным героем прессы. Люди уже давно хотят знать немного больше про твою персону.

– Мне это нравится, определенно, ну а для начала можно и выпить. Угощайся, – сказал Макар и поставил, наполненный коктейлем, стакан, – Мохито!

Кристина смешно скривила лицо и отодвинула стакан на середину стола.

– Только половина первого! Очень рано для того чтоб пить. Я не пью днем! Это не позволительно для любого нормального человека...

Макар посмотрел на круглый столик и медленно повел взглядом в сторону не пьющей по утрам и днем журналистки. Он не слушал. Его мало интересовали любые доводы. Жбырь наклонился и подвинул стакан обратно, вдыхая тонкий аромат свежих фруктов. Это не был запах деревьев, зелени, весны, или мохито, это был ее аромат.

– А ты когда-нибудь пила днем? Только честно.

– Честно – нет.

– Так с чего это ты думаешь, что это плохо? Нельзя судить о чем то, не попробовав сначала.

Кристина все же решила попробовать мохито и приняла зеленый коктейль. Макар одобрительно покачал головой и сел на шезлонг, предварительно хлебнув также.

– Ну, а теперь можно начать. Я так понимаю, вопросы будешь задавать ты? – девушка утвердительно закивала, – ну, так спрашивай же.

Только сейчас Андреева поняла, что не знает с чего начать. Ей хотелось узнать о многом и сразу: о выигрышах в лотерею, о разорении казино, о том, как он это сделал, о планах на будущее, обо всем. Нужно было с чего-то начинать.

– Расскажи мне о семье, о своей семье.

– Все как обычно, как у всех: мама, папа, брат. Периодически общаемся, мы достаточно дружны. В принципе вот и все.

– Это все? Все о твоей семье? Все что ты можешь сказать?

– Нет, все, что хочу сказать. Ты пишешь обо мне, а не про них, и моих родных это устраивает, поверь. Оставим эту тему.

Макар достал сигарету и закурил. Он медленно трещал табаком, наслаждаясь каждым вдохом, и смотрел по сторонам в ожидании вопроса. Он посмотрел на небо, на цвет абрикос, на вагоны неподалеку, но это все мало его интересовало, разве что Кристина мелькавшая где-то между. Но он боялся, где-то в глубине души, остановить взгляд на ее глазах.

– Ну ладно, мы ведь не на допросе, и я – не следователь. Как ты выиграл, в первый раз?

– Я не сказал бы «выиграл лотерею». Когда я в первый раз шел на почту за билетом, мне было ясно, что скорее всего деньги станут моими. Еще с детства меня преследовало как бы шестое чувство, я всегда знал наперед все числа во всех азартных играх. Например, мне известно всегда как выпадут игральные кости, хотя нет, мне не известно, я просто называю число, а затем оно выпадает. Мой ответ становится будущим и так не только с кубиками, так со всем: с рулеткой, монеткой, картами, ну и конечно лотереей.

«Человек делает будущее! В жизни бы не поверила, если бы он действительно не выигрывал», – Кристине слабо верилось в этот вид ясновиденья, но другого объяснения действительно не было.

– В общем, с детства я замечал, что постоянно выигрываю, – продолжал Макар, – но особого значения этому не придавал. Не придавал до совершеннолетия, так как после него пришла нужда, требовавшая хоть какого-то дохода. Работать мне не хотелось. Я не хотел привязывать свою жизнь к зарплате, профессии, карьере и тому подобному. Это своего рода рабство, которого мне удалось избежать. В общем, я решил, раз уж мне так везет, может, и лотерею выиграю. Я пришел на почту за своим первым билетом. Странно, но когда я сказал, что сегодня мне повезет, продавщица лишь презрительно зубоскалила. Зря она это сделала, ведь я действительно выиграл. Шестнадцать миллионов гривен стали моими.

Родители были откровенно в шоке, друзья не могли поверить, а я понял, что это все не случайно. Вот так я и стал миллионером.

Макар рассказывал таким тоном, будто он нашел пять копеек на дороге. Лотерейный джекпот уже давно стал для него будним и ничего особенного собой не представлял.

– Деньги стали сюрпризом для всех, но не для меня, я воспринимал их как должное. Я решил их потратить, потратить хорошо, не так как все эти неудачники, загубившие жизни в случайной удаче. Я решил их потратить со вкусом.

Мне всегда хотелось одну квартиру. Это был своего рода советский пентхаус, который захватил меня своими огромными балконными окнами, и собственно огромным балконом, где были карманные джунгли. Однажды проходя мимо, я захотел эту квартиру. На следующий день я принес хозяевам сумку набитую деньгами и предложил съехать. Они не отказались.

– Вот так ты и потратил свой первый выигрыш?

– Нет, это была просто самая яркая покупка. Я тратил деньги на родных, друзей, фееричные гулянки и все такое. Тратил в таком же стиле – пачками, сумками, чемоданами. Мне говорили остановиться, вкладывать с умом, не потерять свой шанс в жизни, но я уже понял, что могу выиграть, при необходимости еще.

Макар закурил, дав понять, что на вопрос он ответил.

– Ты стал богачом. Зачем еще, еще потребовалось срывать джек-пот? Жадность?

– Нет, тратить мне надоело быстро, особенно тогда когда уже понятия не имеешь на что. После того как я купил эту дачу, я задумался над тем что делать дальше. Мне стало интересно, а где предел, когда меня остановят? Я пошел играть снова и снова, и срывал куш, снова и снова. После пятого раза, мной заинтересовалось прокуратура. Они не верили, что кому то действительно может так переть. Меня обвинили в мошенничестве. Завели дело но доказать ничего не смогли. Плюс уже тогда я был мультимиллионером, что очень быстро поспособствовало закрытию дела.

Государство от меня отстало, но мне намекнули, что играть мне не позволят, а если я когда-нибудь еще раз куплю билет, разговаривать будут со мной по-другому. Тогда то и стало понятно, где проходит граница: на пяти выигранных лотереях и суммарном джек-поте свыше ста миллионов.

В то время я и заслужил свою репутацию бездельника. Я обратил на себя внимание прессы. Меня начали клеймить мошенником в прессе, публиковать мои неудачные фото в газетах и выдумывать всякие сплетни. Хотя, большинство людей это взбесило бы, мне было все равно. Ведь всем нужно зарабатывать, крутиться, чтобы выжить, а с плохой репутацией жизнь стает сложнее. Мне крутиться не надо. Я начал жить, как хотел. Когда мне становилось совсем скучно, приходилось придумывать себе развлечения.

Поживиться в игорном доме всегда трудно. Не зря ведь говорят: «Казино всегда выигрывает». После шумихи вокруг лотерей меня знали в лицо многие. Когда я по-простецки решил зайти поиграть, охранники у входа дали мне в зубы и послали куда подальше. Сплевывая кровь, я задумался, как отомстить.

Мой план был прост: раз не пускают меня, пускают других. Я собрал своих друзей и рассказал, что им делать. Они пришли и сели играть в рулетку, кости, блек джек. Конечно, без меня они явно бы прогорели, но я их постоянно координировал по маленьким рациям. Я говорил числа, они ставили и выигрывали. За ночь мы сняли их месячный доход. Владелец так и не понял, кто его развел и как, а если и понял, то ничего не сделал. Вот это было весело, наверное, мое самое большое веселье. Ну а кроме этого рассказать больше и нечего.

Кристина задумалась. Макар рассказывал все так безучастно, прерываясь только на сигареты и мохито. Она не представляла, что ему может быть в радость, явно не деньги и роскошь, не самореализация, не семья. Может друзья, но вряд ли. Она была уверена, что за очками скрываются потухшие глаза и усталость.

Возможно, Кристина и была права, у Макара давно не сверкали глаза. Но сейчас он ловил взглядом блеск черных, как арабская ночь волос, пытался услышать аромат свежих фруктов и запомнить улыбку той, что сидит напротив. Кто знает, может, сейчас он начнет крутиться и может впервые в своей жизни что-то заработает, заслужит, чего-то добьется.

2 місце.

Номінація «Поезія»

Знаєш, папа,
А я реально странная:
У меня нет тату
И пирсинга ни одного.
Не хочу уезжать я из дома
В утро туманное.
И в идеи куренья
Я не поддерживаю никого.
Знаєш, папа,
В клуб меня не заманишь -
С общаги не выгонишь.
Кудрявые мои не выпрямишь -
Ровные - не завьёшь.
Сок с рук моих не выманишь -
Алкоголь не зальёшь.
А так, всё нормально, папуль:
Живётся, учится,
Мало капель капается,
И мало пьётся пилюль.
А мне б только вырулить, пап,
Но не тот, видимо, в руках моих руль.

2 місце.

Номінація «Проза»

Более чем чувство

Жизнь – существование во сне,
а смерть – всего лишь сон.
Сон – единственная реальность,
доступная поэтическому уму.
Эдгар А. По

Жизнь – это то, что с вами случается тогда,
когда у вас совсем другие планы.
Джон Уинстон Оно Леннон

Кладбище Хайгейт, Лондон.

Я прихожу сюда весьма часто, потому что здесь я вижу жизнь. Она обволакивает меня подобно солнечным лучам, внезапно проникшим в пыльный угол человеческого сознания. Жизнь согревает меня изнутри, она дает мне второй шанс понять себя.

Фотография была делом моей жизни, моей страстью, обожаю фотографии. Они – материальный аналог воспоминаний. Шорох травы, дуновения ветра, звук шагов и запах прикосновений – они заветная шкатулка, хранящая память. Я ненавижу фотографии. Слишком обширная часть души становится на них открытой.

Здесь легче дышать, потому что воздух лишен искусственных чувств. Это место – скопление самых искренних и неподдельных эмоций, которые только можно проследить в поведении человека. Мне нравится наблюдать за человеческими переживаниями, ибо именно через них лежит путь к душе. С нее и стоит начинать.

I

Глубокая тяга – бесполезно. Ни впопыхах выпитый кофе, ни безмерное количество сигарет, выкуренных тем утром не смогли снять раздражения, преследовавшего меня на протяжении нескольких часов. Сегодня первая после затянувшегося летнего отдыха лекция по искусству фотографии, на которую я благополучно опоздала вот уже на двадцать минут. По неудачному стечению обстоятельств именно эта лекция должна открывать сегодняшнюю университетскую фотовыставку, в списке представителей которой в первой графе числится мое имя. К слову, моя компаративная роль состоит в том, чтоб сравнить фотографии снятые на первые всемирно известные фирмы фотоаппаратуры (такие как Kodak, Leica, Polaroid, Zenit) с сравнительно новыми снимками, сделанными на Canon, Nikon, Sony. Главный вопрос состоял в том, эволюционировала ли фотография со времен камеры-обскура Ньепса и не является ли photoshop и другие фотографические редакторы, без которых сейчас фотографы не представляют своего дела, главным катализатором отсутствия воистину талантливых фотографов. Стрелка часов, подходящая к пометке «двадцать пять» говорила о том, что мне остается довольствоваться лишь собственным мнением по этому поводу, ибо следующий автобус придет не скоро.

Тяга. Я не умею красиво стряхивать сигаретный пепел: красиво курить это целое искусство,

которое мне еще постичь не удалось. Курение нужно мне для того, чтоб заполнить чем-либо свои легкие, дабы не возникало посредственных мыслей о здоровом образе жизни.

– Прошу прощения, мисс, – послышался незнакомый голос, обернувшись, я увидела перед собой мужчину лет сорока, на чьем лице читались усталость и беспокойство. Чересчур длинные волосы и невысокий рост отнюдь не делали его привлекательным. Проницательный взгляд был единственным, что могло привлечь женское внимание. – Не были бы Вы любезны, подсказать мне, который час. Мой автобус приходит в 8:15.

– Видите ли, – я снова сделала тягу, размышляя о том, что бедняге этим утром досталось больше моего, – сейчас 8:35, сер. Вы пропустили свой автобус. Как и я.

– Невероятно, – пробормотал он, – когда же я привыкну к смене поясного времени, – несмотря на отсутствие ветра, он натянул шапку до самых глаз. – А Вы давно ждете? – я кивнула.

Тяга.

Он молчал минут с десять, после чего произнес, глядя на пустые улицы:

– А я думал, мир это искусство.

Затушив сигарету, я выразительно взглянула на него и незнакомец продолжил:

– Искусство подразумевает собой более обширное понятие, нежели одно только наличие прекрасного. Оно не исключает случайность, временами делая ее точкой опоры, – он вытащил из внутреннего кармана куртки портсигар и, подержав его несколько секунд в руках, положил обратно. – На протяжении всей жизни меня окружали приятные люди, события, позволяющие мне любить жизнь. Однако теперь я понимаю, что все это были лишь искусственные эмоции, не более душевные, чем слова любви, сказанные незнакомому человеку. И я чувствую пустоту, она поглощает меня как океан.

Его мысли заставили меня слушать звук его голоса. Я молчала, не имея подходящего ответа, хотя он и не требовался.

– Моя жизнь лишь картонная коробка, наполненная до самых краев дождевой водой, рискующая расклеиться в любую минуту. Все чувства, переживания, эмоции – все было вытеснено из нее.

Не припомню, чтобы до этого момента я встречала столь странного и открытого мне человека.

Я вытащила очередную сигарету.

– Однако, я продолжаю верить, что не все в этом мире фальшивка. Слова, сказанные мне незнакомым человеком, станут наиболее правдивой вещью, которую я когда-либо слышал, – он внезапно перевел свой взгляд на меня, – Вы любите меня?

Я медленно выдохнула сигаретный дым и, не ведая, что именно заставило меня ответить столь необдуманно, сказала:

– Да.

*

Подходящий к остановке автобус приглушил звук моего голоса, но, казалось, мой ответ дошел до него, ибо лицо незнакомца на мгновенье осветила искренняя, неподдельная улыбка, разом сделал этого мужчину на несколько лет моложе.

Выходя из автобуса двадцатью минутами спустя, я думала о предстоящем фиаско по поводу выставки, однако, приближаясь к аудитории, я, к собственному удивлению слышала лишь оживленные беседы студентов. Со слов Эрика стало ясно, что профессор до сих пор не явился, следовательно, у меня было время подготовить небольшую речь по поводу открытия фотовыставки. Это удачное стечение обстоятельств удивило меня, но тогда я не знала, чем все обернется.

Фотовыставка прошла на удивление хорошо, и, несмотря на то, что таинственный профессор так и не явился, аудитория была наполнена студентами, желающими поговорить на тему «эволюция/деградация фотографии». Тесно переплетаясь с живописью, тема выставки привлекла не только любителей искусства фотографии, а и истинных ценителей художественного ремесла. Неподдельный интерес был вызван в аудитории моими словами относительно камеры-обскуры:

– Искусство живописи во все времена открывало нам безграничные долины человеческой фантазии. Наиболее известные представители этого искусства – Тициан, Леонардо да Винчи, Николя Пуссен, Альбрехт Дюрер – были первыми фотографами еще до появления фотокамеры, ибо, пропустив тот или иной сюжет через свое воображение, они показывали миру собственное виденье вещей. Однако, не каждому известно, что многие пейзажи, созданные художниками семнадцатого века, были увидены миром именно благодаря камере-обскуре, – на экране проектора появился фрагмент пейзажа Яна Вермеера Детлефского, созданного при помощи камеры-обскуры. – Многие художники использовали эту технику не только для зарисовок и пейзажей, но и для создания портретов. Камеры-обскуры тех времён представляли собой большие ящики с системой зеркал для отклонения света. Часто вместо простого отверстия использовался объектив (обычно одиночная линза), что позволяло значительно увеличить яркость и резкость изображения. С развитием оптики объективы усложнялись, а только после изобретения светочувствительных материалов камеры-обскуры стали фотоаппаратами.

– Кто может назвать мне, в каком году была зафиксирована первая в мире фотография? – находясь в обществе фотолюбителей, я не была удивлена столь молниеносным ответом:

– В 1826 году, неким французом Жозефом Нисефором Ньепсом, снимок называется «Вид из окна», – крикнул кто-то из зала. Я удовлетворительно кивнула, и когда на экране возникло вышеуказанная черно-белая фотография, продолжила:

– Однако неофициально «Вид из окна» является второй фотографией Ньепса, увидевшей мир. Первой, и не сохранившейся до наших дней, был снимок «Накрытый стол», запечатленный около 1822 года.

После чего мною, а далее моими «коллегами» были представлены работы таких фотографов как Альфред Стиглиц, Луи Жак Манде Дагер, Джон Томсон, Ле Грей и Эйнар де Бенвиль. Когда экскурсия по истории фотографии подходила к концу и был задан главный вопрос, которому и было посвящено данное мероприятие, я продемонстрировала аудитории снимки, сделанные мною на новую модель Canon и обработанные в photoshop, а далее на экране появились мои же фотографии, отснятые на старую пленочную фотокамеру, по сравнению с которыми (по мнению большинства) первые выглядели искусственными.

*

Неделю спустя ровно в 9:00 я уже сидела в аудитории, не теряя надежд послушать лекцию по искусству фотографии. Я как-раз анализировала последнюю страницу эссе Оскара Уайлда «Упадок Лжи», когда гул голосов за спиной стал утихать. Обернувшись, я заметила невысокого мужчину, пересекавшего аудиторию. Его сложно было бы отличить от студента: дело здесь было не только в одежде и расслабленной походке, что так не свойственна преподавателям, к которым я привыкла, проучившись в Университете Искусств два года, но и в легкой манере держаться в обществе.

Он обернулся. На мгновение мне стало сложно дышать. Я уже встречала этого человека прежде. Теперь на его губах играла улыбка, но я не могла не узнать во взгляде нового профессора того незнакомца с автобусной остановки, чьи слова до сих пор звенели у меня в памяти.

– Мое имя Эван Джеймс Кэрролл, – он повертел шляпу в руках, – но вы можете звать меня Безумным Шляпником, если угодно.

Выйдя из аудитории, я чувствовала себя человеком, никогда прежде не видевшим неба. Невероятная канцона мыслей профессора Кэролла по своей странности вполне могла сравниться со словами его известного однофамильца, настолько он был неадекватен. Оттого я не удивилась, увидев его сидящим с книгой в моем излюбленном месте: под старым дубом во внутреннем дворе здания.

– Это место было занято мной более двух лет назад, – негромко произнесла я, присаживаясь рядом. Как человек, истинно погруженный в книгу, он ответил мне не сразу, а, подняв на меня глаза, виновато улыбнулся.

– Оно выглядело чересчур привлекательно, дабы я прошагал мимо, атмосфера здесь весьма необычная... – он провел рукой по ковру пожелтевших листьев, что устилали землю. Это было особенное место: осень здесь всегда наступала раньше.

– Таинственная, – подсказала я.

– И правда, – согласился Эван, – но если своим присутствием я невольно вторгаюсь в Ваш внутренний мир, незамедлительный уход будет моей прямой обязанностью, – он продолжал улыбаться. Я только отмахнулась и, достав из сумки «Дракулу» Брэма Стокера, углубилась в чтение.

Я перечитывала «Дракулу» не единожды, однако это произведение по-прежнему оставалось моим любимым. По истечению нескольких лет менялось многое: мое – отношение к людям, их поступкам, событиям, окружавшим меня, а восприятие мною понятий искажалось, или, наоборот, становилось более четко очерченным, но книга...она всегда оставалась для меня неизменной, домом, куда я могла войти во время душевных переживаний.

Перерыв подходил к концу, и я заставила себя оторваться от чтения. Выпрямившись, я увидела, что профессор с неподдельным интересом смотрит на меня, а на его лице играет все та же улыбка.

– А Вы скептик, – наконец сказал он. Я утвердительно кивнула, хотя меня застал врасплох смысл его слов. – Я видел Ваше выступление на фотовыставке неделю назад, Вы держались на удивление хорошо, хотя местами, Ваши мысли были непоняты аудиторией. Такие, как, к примеру, эстетика пост-мортем фотографии, но, что поразительно, Вы говорили с уверенностью профессора.

– Благодаря тому, что я здраво владею концепцией собственного мнения, – я улыбнулась а ответ. – И твердо знаю, чего хочу.

На сей раз в этих словах правды было не более чем «словах любви к незнакомому человеку». Я чувствовала, что теряю себя. Находясь рядом с этим человеком, я словно растворялась. Сосуд моей уверенности разбивался лишь при мысли о нем. Эван Кэролл неизменно рушил мое сознание.

III

Квартира, которую я снимала, находилась недалеко от центра, отчего я каждый вечер имела возможность занять себя прогулками по ночному городу. Одним прохладным сентябрьским вечером, проходя мимо бара с кричащим названием «SHAKE IT UP!» и услышав знакомый мотив песни More than a feeling, выпущенной в 1976 рок-группой Boston я не смогла не заглянуть.

Фанатичная любовь к музыке является еще одной странной особенностью моего сознания, ибо, услышав любимую песню, я забываю об окружающих меня событиях и полностью растворяюсь в ней.

Обстановка внутри была достаточно умиротворенной, и, взяв пинту пива, я вышла на балкон, вид из которого был изумителен. «Это более чем чувство, – звучало у меня в голове, – когда я слышу ту старую песню, которую они раньше наигрывали, я начинаю мечтать...».

Тяга. Приятное тепло разошлось по телу.

– Зачем ты куришь? – я была уверена, что нахожусь на балконе одна, однако голос Эвана прозвучал с другого его конца.

Тяга. Никогда прежде я не верила в судьбу, но сейчас его присутствие здесь казалось мне чем-то вполне объяснимым, чем-то, что должно было случиться. Тяга.

– Мне нужно заполнить свою душевную пустоту чем-либо.

В ответ тишина. По-прежнему стоя к нему спиной, я видела его улыбку. Мгновение спустя я почувствовала легкое прикосновение к руке и, выдохнув сигаретный дым, обернулась. Эван стоял слишком близко.

– Можешь заполнить ее мной.

Счастье еще никогда мне не казалось таким близким и невозможным, каким я его увидела сейчас. Больше чем чувство. Поцелуй... никакие слова не в силах описать того, что чувствуешь, переживая его. Он вдохнул в меня новую жизнь, заставил снова быть чем-то значимым, стать значимой. Любовь была непостижимой аксиомой наших жизней. Необъяснимый, неотъемлемый.

IV

Помимо таинственной умиротворенной атмосферы Хайгейт обладает восхитительной архитектурой, отчего снимки, сделанные мною во время наших прогулок по кладбищу, являются для меня самым прекрасным достижением среди собственных фоторабот. Расположенный за несколько метров от аллеи склепов, многолетний дуб неизменно напоминал о том дереве, около которого погруженные в чтение мы сидели несколько недель назад. Я сделала очередной снимок, и Эван опустился на корни дерева, что тянулись вдоль на несколько метров. Он тепло взглянул на меня и, присев рядом, я в тишине наслаждалась царившей здесь красотой.

– Считаешь его гением? – он указал на лежащий на моих коленях сборник стихов Эдгара Алана По.

– Считаю его человеком. Земным и одиноким, – я обвела взглядом раскинувшийся передо мной пейзаж и в памяти всплыли умиротворяющие строки: – «В молчанье здешней тишины нет одиночества...».

Заправив упавшую прядь волос за ухо, Эван демонстрационно выпрямился и, приняв серьезный вид, процитировал следующее стихотворение, написанное По в 1928:

Я не скорблю, что мой земной удел
Земного мало знал самозабвенья,
Что сон любви давнишней отлетел
Перед враждой единого мгновенья.
Скорблю я не о том, что в блеске дня
Меня счастливей нищий и убогий,
Но что жалеешь ты, мой друг, меня,
Идущего пустынною дорогой.

Закончив декламировать, он, улыбаясь, добавил, что не хотел бы быть в моих глазах поэтическим неучем, хотя, сидя здесь, не может припомнить ничего, что по объему превышало бы процитированное им стихотворение. Серьезность, с которой было сделано это признание, не могла не развеселить меня, но даже при таком расположении духа кладбище Хайгейт не теряло своей атмосферности.

Земля была укрыта сумерками, когда мы шагали по пустой трассе, держась за руки и было глубоко за полночь, когда моему взору предстали знакомые улочки. Возможно, таким образом на мне сказывалась усталость, но, отпуская Эвана в ночную тьму, я чувствовала как меня одолевали тревожные мысли. «Луна улыбалась, но мне показалась улыбка ее неживой». Не стоит доверять беспричинным эмоциям, будь то любовь или страдание, сказала я себе тем вечером. И я ошибалась.

Мною овладело приятное спокойствие, когда я увидела его, шагающим по университетскому коридору следующим утром, но оно вмиг рассеялось, когда, подойдя ближе, я заметила на его лице то же отчаянье, коим он был охвачен в день нашей первой встречи.

Я слегка дотронулась до рукава его рубашки и Эван обернулся.

– Ты в порядке? – было невыносимо видеть его таким. Снова. Эван помедлил, по-видимому, не зная, что ответить. Парой секунд спустя он кивнул. – Почему на тебе та же одежда? – не унималась я. Он вновь не ответил, а лишь указал в сторону библиотеки.

– Мне нужно заглянуть в аудиторию и оповестить студентов о том, что лекции сегодня не будет. Жди меня там.

V

За окном лил дождь, первый дождь этой осенью. Я сидела в библиотеке, положив локти на подоконник, всматриваясь в водяные потоки, растекавшиеся по запотевшему стеклу. Рядом лежал сборник сонетов Шекспира, который нужно было прочесть к завтрашнему утру, однако читать совсем не хотелось. Хотелось выкурить пару сигарет и завалиться спать.

Осмотревшись вокруг, я увидела, что за время моего ожидания Эвана библиотечный зал опустел. Дверь в библиотеку отворилась и мгновением спустя я почувствовала его ладони на своих плечах. Наклонившись ко мне, он тоже устремил свой взгляд на раскинувшийся за окном пейзаж.

– Возможности познать жизнь сияют вокруг меня словно миллионы солнц, но я таю при малейшем соприкосновении с ними. Меня зовут голоса тысячи людей, проживших жизнь не напрасно, но, следуя их зову, я падаю в неизвестность. И это пугает меня.

Он коснулся моей руки и, не сказав больше ни слова, дал моим мыслям время обрести верный оборот, что было сложно, ибо мне не была известна причина его мрачного расположения духа.

VI

Вдыхая прохладный воздух, мы шагали по золотым дорожкам Гайд-Парка. Дождь лил уже не первый час, отчего вокруг нас не было ни души. Затейливые кроны деревьев создавали иллюзию закрытого пространства, погружая нас в собственный идеальный мир.

Симфония дождя единственная мелодия, которую я способна слушать бесконечно.

Сфотографировав вид озера Серпентайн, мы свернули на небольшую поляну, и присели на лиственной покров, а когда дождь растворился в тумане, южный ветер принес знакомые звуки мелодии «Oh! Darling» Битлз. Лицо Эвана осветила улыбка.

– Обожаю этот трек, – произнесла я.

– Под аккомпанемент этой мелодии я кружился в вальсе, – он взглянул на меня серьезно, добавив «правда-правда», после чего мы оба рассмеялись. – Думаешь, я сумасшедший?

– Едва ли. Что касается меня, я ни разу в жизни не танцевала вальс, следовательно, ты не более сумасшедший, чем я.

Он поднял бровь.

– Действительно?

Я пожала плечами. Тогда, резко поднявшись с земли, он с улыбкой протянул мне руку – «Леди». Не успела я твердо стать на ноги, как Эван прижал меня к себе и повел танец. Голова приятно кружилось, хотя складывалось впечатление, что мой партнер едва ли разбирался в том, куда поставить ногу. Кружась среди опавшей листвы, мы неистово смеялись. Аккуратней, хотела сказать я, но мы уже поскользнулись на мокрой почве. «Великолепно», подумала я, глядя на испачкавшиеся джинсы.

Пронзительно взглянув мне в глаза, он коснулся моих губ своими. Великолепно.

*

Осень заметно давала о себе знать. Университетский дворик опустел, казалось, сама природа застыла в предвкушении грядущего сна. Шагая безлюдными улицами, я непрестанно ощущала свободу. Свобода дает больше чем значит. Быть очередным лицом монотонной толпы, еще одним камнем в социальной стене – все то, чем я страшилась стать. Если однажды в моей жизни доведется выбирать между недолгой свободой и вечной зависимостью, я выберу первое. Удивительно, сколь спонтанными и актуальными были эти мысли.

*

Если долго смотреть на звездное небо, чувствуешь себя падающим, летящим в бесконечную даль. Так говорил он. К звездам я не равнодушна. Прерывисто. Их можно увидеть везде. Звезды смотрят на меня глазами тлеющих окурков.

Первое декабря две тысячи десятого года. Ночь. Половина второго. Он, наконец-то пришел в сознание. Сердце неистово колотилось. Казалось, стоит мне прикрыть глаза, и я вновь его потеряю.

– Почему ты не сказал мне? – сложно было дышать, сложно было видеть его таким, сложно было жить.

– Боялся, ты не так истолкуешь мою болезнь. Но я был болен еще до того, как полюбил тебя. День первой нашей встречи, помнишь мое смятение, замешательство? Тем утром я впервые узнал, что болен.

Психоневрологическая деструкция головного мозга, сопровождающаяся эпилептическими припадками, являлась летальным последствием перенасыщения эмоциями, вызванным переживаниями, чувствами, мной. Здесь не могло быть двоякого смысла.

– Элизабет, – вновь заговорил он, – до нашей встречи я неумолимо падал в бесконечность, опустошенный, не имея сил, желания почувствовать жизнь. Ты вернула меня из пучины вечности и теперь я знаю, что на протяжении все жизни ждал этого момента, дабы взлететь.

С каждым днем дым безысходности окутывал нас все сильнее. Он въедался в легкие словно яд, не давая свободно вдохнуть жизнь. Эван не умер той ночью. Я потеряла его намного позже.

VI

Кладбище Хайгейт, Лондон

Укрытое снегом, оно навеивает мысли о непробудном сне. Покое.

Я прихожу сюда, когда мне одиноко, когда чувствую неразделимую радость в сердце, прихожу сюда во время душевных переживаний, когда я нуждаюсь в пространстве для мыслей.

Предрасположенности к романтизму во мне всегда было не больше, чем здравого смысла, но волшебство этого места не оказалось упущенным мною. Волновала не природа, она выступала лишь бокэ представшего передо мной благородного покоя. Атмосфера.

Как успел заметить Уайльд: «Чем лучше мы выучиваемся разбираться в искусстве, тем делаемся

равнодушной к природе. Ведь что открывает нам искусство? – что в природе нет никакой соразмерности, что она на удивление груба, до крайности монотонна и лишена какой бы то ни было завершенности». Совершенно иным понятием являются чувства. Лишенные предрассудков, они преображают нас, выталкивая из жизни монотонность и однообразие.

В этот миг, стоя здесь у изголовья аллеи, ведущей вглубь кладбища, мне хотелось раствориться, «усопнуть, умереть, уснуть...», сохранив покой, в котором пребывал тогда мой рассудок и никогда более не сталкиваясь лицом к лицу с болезненными горестями, что преследовали меня последнюю неделю.

Сделав несколько шагов по скрипучему снегу, я опустилась около одной из могил и раскрыла очередную книгу, строки из которой неумолимо прожигали мое сознание. «Сердца способны разбиваться. Было бы лучше, если бы мы умирали, когда они разбиваются. Но мы не умираем». Так просто и сложно одновременно. Нет ничего ужасней и неотвратимей боли, пронизывающей каждую клеточку мозга. Сердце отличная метафора в любовных делах, но что может сердце, когда ум наш направляет чувства?

Однако на этот раз даже это умиротворяющее место не позволило мыслям о нем покинуть мое сознание. Ситуация была безысходной: чувства переполняли его в моем присутствии, но и когда меня не было рядом, Эвана окутывала непреодолимая тоска, что лишь усиливала психическое расстройство. Теперь я понимала, насколько близкой оказалась неотвратимость.

*

Снег больше не шел, он лишь покрывал все вокруг, но ветер тем вечером был ужасный. Я поднималась по ступеням крыльца его дома, предвкушая теплые объятия, но все же была весьма удивлена, увидев на пороге Эвана, одетого в джинсы и куртку, а не сидевшего под шерстяным пледом. Вид у него был бодрый, что не могло оставить меня равнодушной. К слову, с того вечера я никогда не видела печали в его глазах.

– Мы ведь просто сходим куда-нибудь выпить горячего шоколада? – глядя в его глаза и понимая, что это не так, спросила я. Эван коснулся губами моей щеки, после чего он молча взял меня за руку и мы спустились вниз по лестничной клетке.

Погода ничуть не изменилась, снег мелодично скрипел под нашими ногами, пока мы шагали в направлении трассы. Не пройдя и пары шагов, Эван остановил такси.

– Эбби-роуд 3, округ Вестминстер, – объявил он водителю, после чего загадочно подмигнул мне.

Эбби-роуд была известна мне в первую очередь из творчества Битлз, ибо по вышеуказанному адресу находилась одноименная звукозаписывающая студия, в которой ливерпульская четверка клепала свою музыку а, в частности, свой последний студийный альбом Abbey Road (1969).

Погода заметно ухудшилась и даже сидя в салоне такси я чувствовала себя продрогшей до нитки. На часах было одиннадцать вечера. Положив голову на плечо Эвана, я погрузилась в сон.

VIII

Мне доводилось бывать на Эбби-роуд несколько раз, оттого было неописуемо непривычно видеть улицу пустой. Мы покинули такси напротив студии звукозаписи и, подойдя к зданию, я вопросительно взглянула на Эвана.

– Не думаю, что в столь поздний час студия открыта для посетителей.

Он лукаво улыбнулся и, поднявшись на крыльцо, постучал в дверь. В нижнем окне зажегся свет и за дверь послышались шаги.

– Мой старый приятель Колен работает здесь уже больше двадцати лет, – улыбался Эван, – он

благородно согласился принять нас сегодня в гости.

Я не верила своим ушам. Тем временем дверь отворилась, и нашему взору предстал невысокий пожилой мужчина с копной длинных седых волос. Увидев моего, спутника он растянулся в широкой улыбке.

– Давненько мы с тобой не виделись, – Колен заключил друга в объятия, после чего тот представил нас друг другу. Взволнованная визитом в святыню рок-музыки, я и думать забыла о пронявшем меня холоде и, только войдя в здание и почувствовав тепло, я вспомнила о том, как продрогла по дороге на Эбби-роуд.

– Для экскурсии время не подходящее, да и я не в лучшей форме, – мы следовали за Колином по коридору, – но, учитывая эксклюзивность вашего визита, – он весело подмигнул мне, – я согласен предоставить вам студию для самостоятельного изучения, – мы вошли в одну из примыкающих комнат и Колин указал на стол, на котором возвышалась стопка грампластинок, – Здесь собрано все, что может заинтересовать вас, ребята. Фотоальбомы и личные записи находятся в шкафу около левой стены. К слову, нам неофициально, но все же запрещено допускать к этим материалам посторонних, – он улыбнулся, – но вы ведь никому не скажете?

Прошло около четверти часа, когда, все еще не веря своему счастью, я сидела в удобном кресле, не в силах оторваться от записей, сделанных звукооператорами в 60-70-х годах и даже лидерами групп, записывающих здесь свои альбомы. Появившийся в дверном проеме Эван сообщил, что Колин только что ушел. В руках он держал две чашки горячего шоколада.

Он улыбнулся.

– Мы просто выпьем горячего шоколада.

IX

– Что вас вдохновляет? – увлеченно спрашивает Эван на очередной лекции.

– Живопись, – отвечает девушка в первом ряду.

Поэзия, фотография, образы искусства, музыка, – они перечисляют все, созданное человеческой фантазией. Профессор вскидывает брови.

– По-вашему, первоисточником искусства является не что иное, как искусство?

Студенты кивают, что вызывает у него очередную улыбку.

– Как же тогда были созданы первые произведения искусства?

Тишина.

– Люди следовали своим чувствам, – продолжает Эван. – Первоисточником искусства является не что иное как чувства, эмоции. Любовь.

– Любовь более не актуальна, – звучит голос с задних рядов.

– Возможно, – пожимает плечами Эван. – В любом случае сейчас я жду от вас проявления эмоций. Каких – решать вам, результат покажите мне в понедельник. И учтите, – он указал на лежащую на столе фотокамеру, – в вашем случае это именно тот язык, которым вы вольны выразить свои чувства.

*

Вечерние огни ослепляли сознание. Не думая о времени, мы шагали заполненными улицами, мелодично ступая по скрипучему снегу. Нас окружал идеальный мир, лишенный политики и религии, моральных устоев и стереотипов, рая и ада. Над нами было лишь притягивающее снежное небо.

Я бережно провела рукой по его волосам, стряхивая кристальные снежинки. Такие же кристально-чистые как его глаза.

Никогда прежде я не видела себя в таком свете. Эти жизни были нашими, и мы проживали их своим путем, с открытым для мира сознанием и широко распахнутыми глазами. Ничто больше не

имело значения.

Х

Очнувшись ото сна деревья бросают величественные тени на хорошо знакомые мне тропинки. Чувствуя долгожданный прилив сил, я неспешно шагаю протоптанными задолго до меня аллеями. Здесь легче дышать, ибо воздух лишен искусственных чувств.

Не сворачивая, я иду вдоль тенистой аллеи, по обеим сторонам которой покоятся залитые солнцем могильные плиты. Остановившись около старого дуба, я опускаюсь на теплую землю и кладу голову на дремлющее надгробье.

Улыбаюсь, вспоминая, лица людей, пришедших проститься с ним. Казалось, склонившись над спящим Эваном, в последний раз поцеловав его, я повергла социум во всеобщее забвение.

Ничего не изменилось по стечению года. Время потеряло ценность еще много месяцев назад. Этот мир все так же неизменен.

– Лучше сгореть, чем раствориться, – такими были его первые осознанные слова после очередного душевного расстройства.

Я углубился в лес потому, что я хотел жить целенаправленно...

Я хотел испить жизнь до конца!

Отбросить все, что не есть жизнь,

Чтоб потом, когда придет время мне умирать,

Я не смог бы сказать, что не жил по-настоящему...

Генри Дэвид Торо

Его сознание было открыто волнам радости до последнего вдоха. Его сознание поглотило мое. «Жить умеет тот, кто умеет жить настоящим», – человек, сказавший эти слова, никогда не любил и моя история... не может иметь столь неправильный конец.

I

Выдыхая сигаретный дым, я оборачиваюсь на звук незнакомого голоса. Передо мной стоит невысокий длинноволосый мужчина, чей взгляд не способен оставить равнодушным. Он улыбается.

– Мир – это искусство. А любовь все еще способна вдохновлять.

май 2011

3 місце.

Номінація поезія

Я море видела не раз
Сейчас лишь понимаю
Среди величия всех фраз
Одной мне не хватает...
В безумье пены глубины
Я слышу этот голос
Я знаю, это шум волны
Но верю даже в воздух.
Я верю ты придешь за мной
Хоть я не ожидала
Пусть даже ты сейчас не мой
Я о тебе мечтала.
И в той волне, что так близка
Покой я повстречала
Один лишь шаг, всего одни
И боли вдруг не стало...

Море эмоций, море улыбок.
Тысячи разных ярких картинок.
Я невесома. Звук пистолета.
Хочется снова прошлого лета.
Тут все серьезно.
Там было звонко.
Мир так устроен: рвется где тонко.
Между вселенными стерты страницы.
Взмахом ресниц нарушаем границы.
Это полет мой или паденье?
Да к черту... реальность – лишь миг совпадения.
Тысячи фраз при нуле пониманья.
Фальшивые, нежные ноты страданья.
Так громок мой пульс в минуты молчанья.
Помиловать просит секунда вниманья.
Высшая низость – предать свою душу.
Расстаться с той частью, что рвется наружу.
Глупое счастье – остаться собою.
Мысли по венам плавно, рекою.

3 місце.

Номінація проза

Заради цього варто жити!

Це питання неодноразово змушувало замислюватися мільйони людей на Землі, але його індивідуальність не дозволяла знайти однозначну відповідь. Опитуючи людей різного віку та статусу, можна почути велику кількість схожих відповідей як: заради родини, кохання, грошей, себе...

Існує нескінченна кількість таких причин. Я підтримую кожен з цих думок, але можу сміливо виокремити для себе, лише одну - це мить. Колись я почула цитату Оскара Уальда з приводу цього: «Життя дарує людині, в кращому випадку, одну - єдину неповторну мить, і тайна щастя в тому, щоб ця мить повторювалося якнайчастіше». І дійсно, чи не з'являється посмішка на твоєму обличчі при згадці першого побачення та поцілунку з коханою людиною, теплих обійм мами, шалених прогулянок з друзями? Життя складається з таких моментів і ми мусимо докладати зусиль аби їх було якнайбільше.

У житті все йде своїм шляхом і щастя змінюється на горе, але кожен повинен думати і робити усе можливе, не дивлячись ні на що аби наступна мить викликала захоплення, тепло. Адже як до нестями приємно коли у тобі, немов велика повітряна куля, збираються емоції та почуття. Наприклад, бачачи кохану людину ти, сам не розуміючи того, посміхаєшся і не важливо взаємно це чи ні, досить того що вона є. Згодом ти можеш цілий день згадувати про цю зустріч й радіти у душі. Може бути досить одного слова, погляду, подиху поруч для того, щоб заціпеніти від щастя. Просто життєво необхідно мати таку людину, вона приносить весну у серце. Ви не відчуєте сніг чи дощ за вікном, якщо поруч той хто займає більшу частину ваших думок. Варто жити заради кохання.

А спогади про маму... Згадую як вона сиділа зі мною до пізньої ночі в школі, роблячи уроки; ніжно обіймала, коли мені було погано і діставала улюблений шоколад; іноді намагалася кричати, але це не дуже в неї вдавалося. Кожна мить дає мені зрозуміти як сильно я її люблю та ціную. І ці згадки будуть супроводжувати мене усе життя. Як же хочеться виправдати її очікування, хочеться, щоб вона пишалася мною і це вже стимул жити, розвиватися як особистість, досягати нових вершин, щоб хвалитися своїми успіхами перед найдорожчими очима на цій планеті. Варто жити заради батьків.

«Хіба це мало – незабутня мить?»- писала Ліна Костенко. Це вірно, коли ми навчимося цінувати кожен мить, життя здобуде нових яскравих фарб. Варто лише поставити собі за ціль не втрачати шанс робити кожний момент радісним та жити з цією метою. Наше життя у наших руках і лише ми, немов гончарі з глини, липимо його по маленьким деталям, наносимо орнамент, підбираючи відповідні настрою кольори.

Ви не повністю одягнені, якщо на Вас немає посмішки. Викликайте усмішку не тільки у близьких, а й просто перехожих людей. Це не важко і варто лише спробувати прокинутися не з похмурим обличчям, а щиро посміхатися всьому і всім, що тебе оточує. Усмішка - це поцілунок душі. Варто жити заради посмішки.

Мрій... Якщо в тебе є мрія то ти хочеш жити заради неї. Тут вже неважливо здійсниться вона чи ні. На місце здійсненої мрії прийде інша, більш цікава і бажана. Відомо, що самі собою мрії здійснюються не стануть й важливо докладати до цього зусилля. Ніколи не відмовляйся від своєї мрії. Важливо відкинути усі страхи пов'язані з невдачею на шляху досягнення своєї мрії. Варто жити заради мрії.

А друзі? Ті люди, котрі завжди з нами і готові підтримати у скрутну хвилину? Вони приймають нас такими, якими ми є, з усіма нашими слабкостями і недоліками. При цьому вони намагаються підкреслити в нас лише позитивні риси характеру і за це ми їх і цінуємо. Друзі допоможуть тобі змінити мінуси на плюси. Варто жити заради друзів.

З часом у всіх з'явиться родина та народиться маленька копія нас самих. Найщиріше створіння на Землі, яке буде любити тебе не дивлячись ні на що. Твоїм обов'язком стане підготувати свою дитину до самостійного виходу в світ, щоб вона знайшла своє місце у суспільстві. Діти вносять у життя дорослих невимушеність, грайливість, щирість. Кажуть, що у світі не залишилося нічого справжнього, за винятком дитячої посмішки. Варто жити заради дітей.

Сонячне світло, спілкування, сновидіння, море, цікаві зустрічі, тварини, спорт, фрукти, моменти вибору, природа, солодощі, вихідні, спогади, відчуття, музика, сміх, почуття, танці, поцілунки, смачні напої, свята, книжки, кольори, зірки, дощ, неочікувані дзвінки, гарячий чай у зимові вечори, нові відкриття, обійми, подорожі, ігри та багато інших, безглуздох на перший погляд, але таких життєво необхідних дрібниць, заради котрих **ВАРТО ЖИТИ!**

Додаткова номінація

«Ліричність»

Думками до сонця

На чашку духмяного чаю
До сонця, що тихо згасає,

На бесіду тиху
Про радість і лихо

Зайду ненадовго...
І нібито того

Маленького щастя,
Отут, близько серця
стане побільше...
Лихо тихіше

Завиє,
Заниє...

Ми будемо просто сидіти,
На землю крізь хмари глядіти,

Мовчати, палити,
Всміхатись і пити

Той напій богів
Із земних ароматів

І нібито просто...
І начебто досить...

А думка – вітрами,
А слово - струмками

Летить!...
Кричить...

Я знову сама повертаюсь,
В слова із думками граюсь,

А може, на краще,
Отак, на горищі

З сонцем мовчати,
За руку тримати

Жити до сутінок!
Спати до ранків!

Співати и жити!
І Бога молити

За сонце,
За нього!..

Додаткова номінація

«Щирість»

Заради цього варто жити!

Рано чи пізно людина хоч раз у своєму житті задавалася цими питаннями. Хто я на цій землі? Для чого я живу? Заради чого мені варто жити? І кожен відчайдушно шукає відповідей, адже це так важливо для людини знати, навіщо вона прийшла у цей світ.

Я теж поставила для себе ці питання. Довго не могла знайти відповідей. Я шукала себе в різноманітних гуртках: плавання, баскетбол, бальні танці, гра на гітарі, вокальний спів. Звідусіль я отримала безцінний досвід, але жодному не хотіла б присвятити своє життя. Добре. Не це. Тоді, ось що: кар'єра чи сім'я? Пам'ятаю свої грандіозні плани. Спочатку, я гарно закінчу школу, успішно здам екзамени, вступлю до вищого навчального закладу. Потім влаштуюсь на високооплачувану роботу, куплю собі квартиру і тоді вже буду шукати нареченого. То ж перша сходинка до мого безхмарного майбутнього це гарно закінчити школу. І я взялась штурмувати граніт науки, бо розуміла, що якщо я не переступлю через цю сходинку, я ніколи не зможу стати успішною людиною.

І ось, я вже на третій сходинці. Вступила до Чорноморського університету ім. П. Могили. Але, в кінці першого курсу, з'явився Він. Чоловік з моїх мрій. Наче якийсь диво: духовний світ, зовнішність, поведінка – все, про що я колись мріяла, сидячи за нудними уроками. Незаплановане, таке чисте та наївне, весняне кохання. Так і хотілося сказати йому: «Зачекай до шостої сходинки! Я ж все спланувала!» Розум вперто диктував свої настанови: «Не можна так легко втрачати голову! Кохання ніколи не буде ходити поруч з успішністю. Або ти віддаєшся кохання, або кар'єрі». І я зробила вибір. Я зрозуміла, що, якщо я втрачу це кохання, я ніколи не знайду нічого подібного. І досі, ні разу не пожалкувала. Все стало на свої місця. Навчання вже не здається таким важким, життя – таким незрозумілим. Всі плани повернулися в інший бік. Тепер я навчаюся бути дружиною. Адже на мені буде стільки обов'язків! Окрім того, що я маю бути вправною кухаркою, вмілою прибиральницею, невтомною прачкою, швачкою, психологом, терапевтом, організатором; я маю бути ще й розумною дружиною, турботливою матір'ю, палкою коханкою та найкращою подругою для свого чоловіка. Ви можете запитати: «А чи не багато обов'язків ти на себе береш?» І я з готовністю відповім: «Аж ніяк». Тому що, я вже зараз бачу скільки мій коханий робить для мене і наших майбутніх діточок, і можу лише уявити, скільки ще буде зроблено. Тепер ми разом йдемо до нашої спільної мети – щасливого сімейного життя. Я зрозуміла, що саме з цим чоловіком я хочу мати купу діточок. Ми хочемо мати велику веселу сім'ю, щоб ніколи не нудьгувати.

Я зрозуміла для чого я живу. Я зрозуміла, заради чого варто жити. Заради нашої майбутньої сім'ї, заради наших майбутніх здорових, красивих, розумних та талановитих дітей. Заради життя, народженого коханням.

Додаткова номінація

«Патріотичність»

Скажи, зачем пошел ты в этот бой,
Где смерть на поле битвы поджидала,
Где слышен пулемёта вой,
Война проклятая пылала.

Где серой птицей поднимаясь
Бомбардировщики вели свой бой,
Где танки по земле качаясь
Противника уничтожали пред собой.

Где пенья птиц не слышно было звуков,
Не расцвела где белая сирень,
Сердцебиенья ускорялось стук,
И дрожь по телу пробежала словно тень.

За Родину, Отчизну, за Победу
Ты жизнь отдал тогда свою,
И закрывая вновь глаза я вижу
Как ты стоишь в боевом строю.

Ты силен, ты отважен, молод,
Тебе всего лишь восемнадцать лет,
И защищая наш прекрасный город
Ты смерти каждый раз смотрел вослед.

И смелости твоей наград не хватит.
Перед тобой Родина в долгу.
Я буду вечно помнить, мальчик с автоматом,
Что за мою жизнь ты отдал свою.